

Внучке Марии.

Автор

Анатолий Можаровский

Поэтические тетради

Анатолий Можаровский

Белая вишня

Моя первая

Київ
2011

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5
М75

Можаровский А.И.

М75 Белая вишня. *Поэтические тетради*. Т.1. — Киев, 2011. — 400 с.

ISBN

ISBN

Книги Анатолия Можаровского — своеобразный поэтический дневник человеческой души, искренне стремящейся к Любви и познанию Божественных истин в ледящем одиночестве терзаемого греховными соблазнами мира.

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Відповідальний редактор
Михайло МАЛЮК

ISBN
ISBN

© Можаровський А.І., 2011.
© Протопоп В.Р., ілюстрації, 2011.
© Урбанська С.Г., художнє оформлення, 2011.
© Малюк М.М. передмова, 2011.

ПОЭТ В НЕ-ПОЭТОВ ВРЕМЕНА

Нынешние власть предержащие и подпевающие им имитаторы от культуры, отвечая на упрёки о нищенском состоянии литературы и литераторов, — тиражи книг в сегодняшней Украине смехотворны! — лицемерно заявляют: Есенина, Пастернака, Ахматову тоже издавали в количествах не превышающих сотню-другую экземпляров, что не мешало им стать великими поэтами; и, вообще, нечего сетовать и попрошайничать у государства: мы же вам рынок дали — он и решит, он и урегулирует ваши проблемы, работайте, платите налоги и всё устаканится. Да, красиво излагают! За двадцать лет поднапорели во лжи и демагогии, куда их коммунистическим предшественникам! Одурманив сказками о справедливой приватизации и бреднями о рыночной экономике довели народ до полнейшего одичания, разбудив в нем самые низменные страсти и желания: зависть, жадность, жестокость и продажность, неутолимую жажду денег — любой ценой. Какие уж тут книги, какая поэзия! Даже в кошмарные годы революции и гражданской войны, поэзия была востребована: пусть скромными тиражами, на плохой бумаге, но книги печатались, их читали, о них дискутировали, выступления поэтов собирали огромнейшие аудитории — вспомним хотя бы “дуэль” Есенин-Маяковский, а в Украине — триумф молодых Павла Тычины и Владимира Сосюры.

Анатолию Можаровскому суждено было стать поэтом в нынешние, не-поэтов, времена и нести этот тяжкий, почти неподъемный крест, оставаясь не услышанным современниками. Испытание славой — ничто в сравнении с испытанием равнодушием и незамечанием; нет убийственнее для поэта, писателя отсутствия внимания читателя; а сегодня, стоит сказать правду, и самого-то читателя нет. Не читают сегодня книг! Не читают даже те, что с пеной на губах дерут глотки на митингах: кто отстаивая “великий и могучий, второй государственный”, кто защищая “солов’їну” — полезнее было бы и для них, и для “защищаемых” ими языков, если бы они на деньги, истраченные на проезд, флаги и пиво, выпитое после “баталий” политических, купили книги.

Хронологически поэзии Анатолия Можаровского — дневниковые записи, хотя здесь и нет прямого отображения текущих событий; автору удается очень тонко и точно подмечать влияние этих событий, изменений в политической и экономической жизни на душу и настроение современного человека: тревога, неуверенность, безисходность, всеобщая озлобленность, загнанность, метания в поисках выхода — всё это присутствует в каждом стихотворении. Дневник предполагает максимальную степень открытости — зачем же врать самому себе? Анатолий Можаровский честен и откровенен, даже безжалостно требователен к себе, понимая, что без искреннего признания своей греховности, без искреннего раскаяния и сознательного неделания зла, нет исцеления души человека, поэтому

он сам несет
себя на эшафот.

Лицемерие нашего времени — внешняя, показушная религиозность: как грибы после дождя растут храмы, возводимые на “пожертвования” не кровно заработанных, а поистине “кровных” денег: на обмане, откровенном разбое, заказных убийствах выросли наши “успешные” банкиры и бизнесмены, ныне так щедро жертвующие на храмы разных конфессий, умножая тем самым раздоры и в так уже далекой от братолюбия стране. Да и народ то в большинстве своём вспоминает о Боге в лучшем случае дважды в год: на Рождество и Пасху, привычно живя по собственным, удобным, законам, начисто отбросив Законы Божьи. Вот и имеем при обилии храмов и священнослужителей при них безбожное, духовно мертвое и вымирающее физически общество. Понятно, что все попытки “возродить и обустроить” страну заканчиваются очередным позорным фарсом. Вот Анатолий Можаровский с горькой иронией и предлагает:

Поэту б стать
законотворцем!
Все законы —
чисты, как ложки,
на обеде у царя,
все в них ясно,

на сегодня и вчера,
просто как
Скрижаль от Бога:
что нельзя,
а что возможно.
Но сегодня нас законят
потерявшие умы.
Мир законов —
время тьмы.

Наверняка, прислушайся мы к поэту, точно бы не построили государство, где политикам-разрушителям, доводящим народ до нищеты и низвергающим его в дикость, платят огромные зарплаты, щедро осыпают пожизненными льготами и благами, а людей творческих, созидających, самоотверженно работающих на будущее унижают до положения “бомжа”...

Анатолий Мозафовский, хотя и пишет преимущественно на русском языке, поэт исконно украинский, и не только потому, что описывает реалии нынешней и прошлой Украины; в его поэзии улавливаются аллюзии, реминисценции классической украинской поэзии; русский язык для него необходимый, более жесткий, инструмент высекаания искрящихся, обличающих инвектив. Украинский стих А.Мозафовского спокоен, плавен, с явными вкраплениями песенных мотивов, можно сказать он более экономен, но и более трагичен:

Дерев'яна цеберка —
вимита, чиста,
накладена м'ясом
посипаним сіллю.
Стоїть солонина
в темній коморі,
а мати
піч топить,
квола,
очі бляклі,
байдужі,
немов би сліпі...
Вогонь у печі,

закипає вода,
діти на ліжку...
Уже не біда,
буде що їсти,
всіх нагодуєм —
вчора зафізала доньку.

Ярко вираженная балладность прісуща и многим русским поэзиям Анатолия Мoжаровского. А еще они очень близки к ныне забытому жанру городского романа. К сожалению, современная попса вытеснила эти трогательные, искренние, а часто и остро обличительные песни, исполняемые под тихий перебор гитарных струн.

Поэту Анатолию Мoжаровскому в не-поэтов времена удалось создать поэтический дневник человеческой души, искренне стремящейся к Любви и познанию Божественных истин в леденящем одиночестве терзаемого греховными соблазнами мира.

Михайло МАЛЮК

Ощущение света

Сила тоски,
цена печали:
любовь,
куда тебя не звали.
Но ты увидел и пошел,
весну свою, решил,
нашел,
и то, что всю жизнь хотят
почти что все.
И были дни:
казалось, звезды светят для тебя...
Но вот любви похмелье —
и снова — пустота,
свинец в груди
и тяжесть на душе,
разочарование вдвойне,
надежда где-то вдалеке...
И, может быть,
придет тот день,
когда вновь
оживет весна
и с небосвода
звезды снова для тебя,
и солнца свет,
не как вчера,
и свет его —
любви пора.
Все повторяется.
Но это не любовь,
это желание
счастливым быть.
И вновь ты выйдешь
не на тот порог,
и вновь придет тоска,
и вновь печаль
так глубока.

Подъем на три ступени вверх,
и падение вниз на сто пролетов —
так мир устроен.

Не легко
любовь хранить в себе,
и силу ее вновь
направить к небу
и к Творцу.

Ответ придет —

Он скажет:

— Я иду.

И ты получишь счастье и покой
среди гряды камней, в пустыне.

Вечный зной.

Везде борьба,
и скорби, и печаль...

Но не вздыхай,
а радуйся, живи
в покое
Божией любви.

24.09.09

Твоя судьба,
моя судьба —
лучи тупого,
градусов на сто,
угла.
И кто путь вверх,
и кто путь вниз
избрал, как тот карниз
на верхнем этаже
большого дома?
Муж и жена:
война, война, война.
И без конца
угрюммильная тоска
вдвоем под вечера.
Война,
даже когда молчат уста.
Лучи угла...
Кто вверх?
Кто вниз?
А ты смотри.
И под каким углом
твой взгляд?
Угол вращается,
и стрелы —
яд,
даже когда молчат уста.
Несение креста...
Перебороть себя
почти нельзя,
и ненависть в глазах:
«Убить пора!» —
приходят мысли даже днем.
И хочется убить —
так тяжело вдвоем.
И яд болотом
всасывает всех,
и тина разливается...

Успех
приходит в чем-то и кому-то,
но яд войны
и ненависти смута —
и с ними умирать и жить потом...
Как часто вижу такой дом.

24.09.09

Вменяемость и невменяемость.
Чем больше невменяемости,
тем реже вменяемость
в одном индивидууме
и в общей толпе.
Вменяемость — это норма.
Невменяемость — это сила,
это власть над пассивом,
это возможность украсть,
придушить, если нужно,
направлять стадо народное
по дорогам, где горе
и служба,
человек с ружьем в руках,
но не бедный, голодный солдат,
а чиновник —
хрясь тебе в лоб! —
подлец он редкий,
его невменяемость можно мерить
рулеткой,
она большая и ее видно.
А вменяемых
так мало встречается,
и так бывает обидно.
Но жизнь движется
по заданным картам:
сегодня и завтра
власть подлецов
и моральных уродов.
Если будет возможность
совесть свою тоже урою,
она мешает жить
и беспокоит,
а без нее все легко и доступно.

Вменяемость поделится местом
со своею недругой,
и разрастется как грибы
на пне
в дни осенние.
Невменяемость рассеется во мне,
я в это верю,
и пойдет жизнь
легко, безнатурно.
— Невменяемый! —
скажет кто-то когда-то.
— Пошел ты на фиг! —
ему отвечу
с нахрапом.

25.09.09

Все, что делается супротив
Божьей воли,
результаты трудов приводит
к боли
и абсурду задумок.
Время тратится
на глупости умных:
арийская раса двадцатого века
череп меряла —
формы, размеры —
отбирала ценных
в плену науки.
Итог плачевен.
Дошли до ручки:
власть, государство
и люди-пичужки
в развалинах зданий,
пыли и грязи,
дыму пожарищ,
могил братских —
миллионы ушедших...
Куда?
Один Бог знает.
Абсурд тщений
ради славы.
А что другие?
Во время это
и пострадавшие,
и бывшие бесов
все в вине,
не виноградном,
а виновны.
Они это знают,
но скрывают,
играются дальше
правдой.
Правда
стала букашкой,

найти ее
в мире огромном
стало сложно
и не достойно,
все планы ведут к абсурду
нации, лиги,
государства.
Бунты
внутри индивидуума
и снаружи народов,
все ведет
к глупости твердой
Воля Божия,
Его слово.
Но кто захочет
жить спокойно,
иметь мало
денег и власти,
женщин ярких
в постели кайфа?
Вся история —
войны, войны,
небольшие остановки,
рождение новых
солдат и мяса,
сбора денег,
и демократы, авторитары,
тоталитары — все ввали,
и врать будут.
Правда с болью
вырывается из клетки
на буйную волю,
но ее часто
по голове лекалом
тем, что меряли
арийцы «чаны»
только внешне.
А мозг и разум
кому это нужно?

В мире грязном
воля Божия,
Его слово
все равно живет
и с ним идут,
хоть и мало,
но споро.

01.10.09

Мир вороватый подглядывает
из-за угла соседней хаты
мордой заплывшей,
глазами с прищуром,
хитрыми, подлыми.
Мир ворует,
всех, кого смог, он втянул
в свою шайку.
К мэру собрались
воры и бандиты,
грабят и бьют.
О них в полицейских участках
дискеты,
пальцы с тюрьмы на планшетке
их ловят,
а выше сидят господа —
вид холеный,
и схемы, схемы,
и путают власть,
а власть вроде хочет
за родину стать,
но продается
этим мерзавцам.
И смешано стало все в мире
укравшем
себя много раз:
подпольные центры,
подпольные рожи
скупают у воров
каждый, что может,
и в банки несет,
потом продает,
меняет,
жиреет,
и молится Богу
за силу, здоровье,
и получает,
но не от Бога.

У них он свой,
богов очень много:
идолы мира —
наряды, ворье.
Многие нищие,
другие — ого!
И как бы решить
лозунг известный:
налог заплати,
и в постельку, да с песней,
спи там спокойно
и не бойсь.
А взять бы налоги
с воров,
заплатить,
и всех полицейских —
на другие труды.
Бандиты, воры
честно платят проценты
в казну, где такие же
истеблишменты,
и круг вороватой подлости
замкнуть,
и спать всем спокойно.
Пусть воры жрут
свою мерзость:
всем воровать,
и сразу — налог,
тогда можно спать,
всем и спокойно,
а так беспокойно:
из-за углов
морды торчат,
едрена их мать!

01.10.09